

ВЕЛИМИР СТРАНИН
Скрипка из абрикосового дерева

Велимир Странин

Скрипка из абрикосового дерева

<https://litres.ru/74172707>

SelfPub; 2026

Аннотация

На фоне гор Нагорного Карабаха разворачивается история семьи, где любовь переплетается с обидой, молчание — с криком, а прошлое не отпускает будущее.

Эта история о том, как в одном доме могут уживаться любовь и зависть, молчание и крик, верёвка и скрипка. О том, как война проходит не только по земле, но и по сердцам тех, кто вчера пил кофе вместе. О том, что самое тяжёлое наследство — не лавка и не папаха, а брат, которого нельзя ни отпустить, ни убить.

Книга для тех, кто любит литературу, в которой каждое слово весит больше, чем кажется. Для тех, кто не боится тишины между страницами. Читателя ждёт не ужас и не катарсис, а то странное, щемящее чувство, когда понимаешь: эта история — про тебя, только ты про это еще не знаешь.

Содержание

Скрипка из абрикосового дерева	4
Скрипка из абрикосового дерева	5
Движение I	6
Аллегро. Дорога сквозь метель	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Скрипка из абрикосового дерева

Скрипка из абрикосового дерева

Велимир Странин

Все права защищены

Скрипка из абрикосового дерева

Движение I

Аллегро. Дорога сквозь метель

Движение II

Аданте. Дети войны

Движение III

Скрецо. Скрипка и шах

Движение IV

Престо. Рекапитуляция

Кода

Title Page

Cover

Table of Contents

Движение I

Аллегро. Дорога сквозь метель

Снег. Снег.

Он шел уже, должно быть, четвертый час, а может, и пятый – кто сочтет время, когда его давно некому считать. Метель налетала не порывами, как это делают метели на равнинах, а целиком, как дышит что-то огромное и ровное, чему все равно, кто ты и зачем здесь. Городок остался позади, утонул, будто его и не было. Только под ногами еще угадывалась дорога – вернее, память о дороге: здесь, говорили люди, была когда-то дорога к Соленому озеру. Люди вообще многое говорили. Снег говорил громче.

В кармане пальто, в левом, том, что ближе к сердцу, лежал моток веревки. Тигран то и дело проверял его – не для того, чтобы убедиться, что он тут, а так, как нащупывают в кармане горсть орехов: знают, что их там горсть, а все равно трогают. Веревка была пеньковая, теплая от его тела, и пахла, если принюхаться, лавкой – тем самым кислым запахом кураги, орехового масла и старого дерева, которым он пропах с детства. «Прикончи его, и все», – сказал Гаро-Медведь, и Тигран тогда кивнул, и кивнул не потому, что согласился,

а потому, что Гаро, когда говорил, не любил молчания. Гаро нужно было, чтобы ты кивнул. Тогда он считал, что дело пойдет.

Дело не шло. Дело стояло в метели, как стоят остановленные часы.

Часы Дастуряна. Тигран вспомнил их – и тут же забыл, и тут же вспомнил снова. Они остановились сегодня ночью, или вчера ночью, или когда-то, после чего уже не было ни «сегодня», ни «вчера». Часы над лавкой Дастуряна, с латунным циферблатом и римской пятеркой, которая всегда казалась Тиграну хромой – одна нога короче другой. Они остановились, и в окошке часовой мастерской погас свет, и сам Дастурян, может быть, лежал теперь где-нибудь под сугробом, а может, ушел, как ушли все, – но часы застыли, и это было, по крайней мере, честно. Время закончилось. Можно было больше не притворяться, что оно есть.

Снег. Снег.

Тигран шел. Ему было сорок лет, или около того; он не помнил точно, потому что мать никогда не праздновала его дни рождения, а отца не интересовало, сколько Тиграну лет, – отца интересовало, сколько в лавке кураги. Тигран был торговец курагой. Тигран был наследник. Тигран носил папаху отца. Папаха сидела на его голове тяжело и горячо, как сидит чужая мысль, и временами ему казалось, что не он носит ее, а она носит его, – что папаха живет, а он только ее подставка. Отец умер. Папаха осталась. В этом, если вдуматься, была

вся семья.

Где-то впереди, за белым шумом, должно было быть озеро. Соленое озеро. У озера – разрушенная чайхана. У чайханы – конюшня. В конюшне – Арсен.

Арсен пропал десять дней назад. Нет, не пропадал. Ушел. Ушел, как уходят все Меликяны, когда им становится невозможно: молча, не попрощавшись, оставив после себя только холодное место и запах, который не выветрить ничем. Арсен ушел к озеру. Арсен всегда уходил к озеру. Арсену было за сорок, как и Тиграну, – они были братья, и родились почти вместе, и это «почти» было самой длинной дистанцией в их жизни. Арсен был Скрипач. Арсен был безумен. Арсен был, или почти был, мертв – и Тигран шел, чтобы сделать это «почти» окончательным.

«Прикончи его, и все», – сказал Гаро.

Лавка пахла курагой. Она всегда пахла курагой, даже когда кураги в ней не было, – запах въелся в доски, в мешки, в руки, в совесть. Тигран сидел на мешке с орехами, Гаро стоял, навалившись животом на прилавок, и от его шинели шел пар – с улицы, где уже началась метель. Гаро был высок, широк, рыжебород и шатен; его прозвали Медведем не за рост даже, а за эту его привычку наваливаться: на прилавок, на собеседника, на дело. Гаро не разговаривал – Гаро давил.

– У него дочь, – сказал Гаро. – Подросток. Где-то там, у русских, у матери ее. Объявится – помянет отца, вспомнит

лавку. Ты знаешь, как это делается.

– Знаю, – сказал Тигран. Он не знал. Он знал только, как делается курага.

– Она скажет: лавка была отца моего, Арсена Меликяна. Она скажет: половина моя. Она скажет это перед людьми. А люди, Тигран, – люди поверят. Люди любят, когда есть за что зацепиться.

Гаро помолчал. Пошевелил бровями – медвежье движение, точно он что-то обнюхивал.

– Десять дней, – сказал он. – Десять дней его нет, и ни от кого ни слова, Тигран. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ты долго думал. А долго думать – это подозрительно. Прикончи его побыстрее, и все. Сегодня. Вон, и метель – на руку. Никто не пойдет. Никто не увидит. Никто не спросит.

Тигран молчал. В углу лавки, на полке за маслом, лежала стопка книг – вернее, то, что от них осталось: обугленные корешки, обрывки страниц, которые он не успел сжечь в тот раз. Он обещал отцу сжечь их все. Он не сжег. Он не умел сжигать до конца – ни книги, ни людей, ни воспоминания.

– Помнишь Овсеп, – сказал Гаро. Это был не вопрос.

Тигран помнил Овсеп. Тигран всегда помнил Овсеп. Овсеп был в нем, как рыба кость в горле, – нельзя проглотить, нельзя выплюнуть, можно только жить с ней и кашлять.

– Овсеп сошел с рук, – сказал Гаро. Ты же не хочешь, чтобы теперь, через столько лет, всплыло?

Снег бил в окно лавки. За стеклом белело. Белело все: переулок, караван-сарай, чинары у ворот, вывеска «Курага. Меликян», которую Тигран три года назад велел перекрасить и теперь не узнавал – буквы поплыли под снегом, точно кто-то забыл, как звали его отца.

Тигран встал. Достал с полки виток веревки – там, где лежали книги, лежала и веревка; отец хранил ее для мешков, но Тигран знал, что не для мешков он ее возьмет.

– Сегодня, – сказал Гаро.

– Сегодня, – ответил Тигран.

Гаро обнял его, как обнимают сына перед дорогой. От него пахло шинелью, табаком и тем особым запахом, какой бывает у людей, которым все сходит с рук. Тигран стоял в этом объятии, прямой и холодный, и думал: вот так, наверное, обнимал отец этого медведя, когда тот приходил к нам. Вот так. С мокрыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.